

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА

«НРАВСТВЕННАЯ ЭЛИТА»*

© 2018 г. М.И. Воловикова*

*Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии личности, ФГБУН Институт психологии РАН; 129366 Москва, ул. Ярославская, дом 13, корп. 1; e-mail: margarita-volovikova@ya.ru

Поступила в редакцию 21 июня 2018 г.

Аннотация. Представлены результаты теоретического анализа феномена «*нравственная элита*». Обосновано значение его исследования в наше время. Приведены данные о научных публикациях, в которых впервые использовался данный термин. Показано, что в работах А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко в 2006 и в 2010 гг. были теоретически выведены и сформулированы критерии принадлежности к нравственной элите. Дан сопоставительный анализ понятий «*нравственная элита*» и «*подлинная русская интеллигенция*» (Д.С. Лихачев). Сделан вывод об их сходстве и различиях, связанных с принадлежностью *нравственной элиты* к разным слоям российского общества, с изменившейся исторической ролью интеллигенции в современной России и с «размыванием» критериев нравственного поведения под воздействием некоторых СМИ. Выделены признаки «русского интеллигента», названные академиком Д.С. Лихачевым: профессионализм, образованность (преимущественно «западноевропейская») и способность противостоять внешнему давлению, в том числе давлению власти. Показано изменение роли интеллигенции в различные периоды российской истории. Названы причины того, что в 1990-е годы интеллигенция начала сходиться с политической сцены как передовая часть общества. Утверждается, что в отличие от интеллигенции, *нравственная элита* не ограничена ни уровнем образования, ни сферой деятельности. Приведены новые данные о результатах эмпирической проверки теоретически выделенных критериев принадлежности к

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00259.

нравственной элите. Дополнен качественный анализ результатов исследования имплицитных представлений о нравственном («порядочном») человеке на элитарной выборке респондентов. Сделан вывод о научном и практическом значении исследования нравственной элиты в современной России.

Ключевые слова: нравственная элита, русская интеллигенция, Д.С. Лихачев, российский менталитет, имплицитные представления, нравственный закон, личность, общество, человек, качественный анализ.

ВВЕДЕНИЕ

Идея о *нравственной элите* была сформулирована и впервые опубликована в 2006 г. (Журавлев, Купрейченко, 2006), получив содержательное развитие и конкретизацию в 2010-11 гг. (Журавлев, Купрейченко, 2010а, 2010б, 2010в, 2011), а также в последующие годы (Воловикова, Журавлев, 2015, 2016, 2018; Volovikova, Zhuravlyov, 2016; и др.). Очевидно, что идея оказалась перспективной и востребованной в первом и втором десятилетиях 2000-ых, и что у нее есть своя предыстория, коренящаяся в особенностях российского менталитета (Российский менталитет..., 1996; Российский менталитет..., 1997; Семенов, 2001; и др.). Прежде всего, это связано с системообразующей ролью *нравственных ценностей и идеалов* и того особого места в общественной жизни, которое традиционно отводилось российской интеллигенции (Воловикова, 2005; 2012; 2018; Воловикова, Журавлев, 2017; Гайда, 2011; Историогенез..., 2016; Кольцова, Журавлев, 2017; Лихачев, 1993).

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы сопоставить два феномена – *российской интеллигенции* и *нравственной элиты* и обосновать актуальность психологического изучения последней в контексте современной реальности (о последней подробнее см.: в работах социальных психологов, например: Макропсихология..., 2009; Психологические исследования глобальных процессов..., 2018; Социально-психологическая оценка рисков..., 2017; и др.).

Судьбы российской интеллигенции

В 1985 г. официально объявленная «перестройка» сменила эпоху «развитого социализма» (позднее названную «застоем»), спустя всего 6,5 лет завершившись распадом СССР, а к 1999 г. реальной стала угроза существованию и самого Российского государства. Те испытания, которые выпали на страну и людей в 90-е годы прошлого века, занимают особое место в истории страны. Основная опасность этого периода состояла в резкой смене общественного идеала и в прерывании культурной преемственности с историей России.

В 1993 г. в журнале «Новый мир» было опубликовано отчаянное открытое письмо академика Д.С. Лихачева «О русской интеллигенции» (Лихачев, 1993). Почему «отчаянное»? Надо напомнить, что речь идет о времени невиданного для предыдущих лет противостояния в российском обществе, когда в прямом телеэфире транслировали расстрел Белого дома, когда тлел возможный пожар гражданской войны. Именно в такое переломное время обычно мобилизуются все общественные силы – как разрушительные, так и созидательные, а интеллигенцию, к которой, несомненно, относился и сам автор Открытого письма, он считал силой созидательной. Причем Лихачев подчеркивал, что речь идет о «русской» интеллигенции: «Я пережил много исторических событий, посмотрелся чересчур много удивительного и поэтому могу говорить о русской интеллигенции, не давая ей точного определения, а лишь размышляя о тех ее лучших представителях, которые, с моей точки зрения, могут быть отнесены к разряду интеллигентов. В иностранных языках и в словарях слово «интеллигенция» переводится, как правило, не само по себе, а вкуче с прилагательным “русская”» (Лихачев, 1993, с. 3). Сразу же подчеркнем, что определение «русская» Дмитрий Сергеевич понимал в широком смысле слова – не как этническую характеристику, а как принадлежность к русской культуре (Лихачев, 1984).

Какие же черты *русской интеллигенции* подчеркивал автор? Самые повторяемые им образы и ситуации касались *свободы* как *нравственной* категории, когда для человека голос совести выше внешних обстоятельств его жизни. Приводимые им примеры подлинных аристократов духа, презирующих палачей, исходили из пережитого опыта сталинских репрессий. Сам Дмитрий Сергеевич являлся носителем идеалов прежней России, таким «несовременным человеком», утверждающим ценности подлинного профессионализма, высокой культуры, порядочности и совестливости вопреки «понятиям» начавшейся эпохи «дикого капитализма».

В это трудное, «переломное» время, до которого ученому привелось дожить, он обращался к опыту прежних эпох, стремясь найти в них *нравственную опору* в лице тех людей, которых он мог бы назвать «подлинными интеллигентами». «В сущности, первым интеллигентом на Руси был в конце XV – начале XVI в. Максим Грек – человек итальянской и греческой образованности, до своего монашества носивший имя Михаила Триволиса и принадлежавший к ученому кругу Альда Мануция. В России он подвергался гонениям, находился в заключении и был причислен к лику преподобных только после своей смерти. Своею жизнью на Руси он прочертил как бы путь многих и многих интеллигентов» (Лихачев, 1993, с. 5).

Максим Грек был европейски образованным ученым, занимался переводами с греческого на славянский язык, и сам был автором некоторых известных теперь текстов. Его высокий *профессионализм* – одна из причин, по которой Лихачев начал с имени ученого-монаха список «подлинных интеллигентов». Вторая причина – способность сопротивляться давлению власти. Когда Максим Грек письменно осудил намерение великого князя Василия Иоанновича расторгнуть брак с супругой Соломонией из-за ее неплодства, то был отправлен в длительное заключение, но не сломился, а продолжал трудиться на благо своей новой Родины. В приведенной выше

цитате из статьи Лихачева вызывает удивление одно слово – «только» («был причислен к лику преподобных *только* после своей смерти»). В православной традиции не принято говорить о святости еще живущего человека, а вопрос о канонизации ставится только спустя некоторое время (иногда – длительное) после перехода подвижника в «мир иной». Поэтому, полагаем, что не из-за святости преподобный Максим был выбран автором в «первые интеллигенты на Руси».

Появление первых «типично русских интеллигентов» Лихачев относит к концу XVIII – началу XIX вв. и приводит имена тех деятелей отечественной культуры, которые проявили ярко выраженную независимость от власти: Сумароков, Новиков, Радищев, Карамзин, Пушкин и... декабристы. Эта черта – *независимость от власти* и даже оппозиция ей является одним из ведущих критериев отнесения того или иного лица к подлинным русским интеллигентам. Другим критерием является высочайший *уровень образованности*, и не просто образованности, а «европейской» («западноевропейской»).

Итак, профессионализм, образованность и способность противостоять внешнему давлению, в том числе, давлению власти – это те признаки подлинного интеллигента, на которые указал в своем открытом письме Лихачев.

Современный историк Федор Гайда отмечает, что в идеологическое оружие превратили слово «интеллигенция», пришедшее в Россию из немецкой философии, русские социалисты-народники (Гайда, 2011). Автор подчеркивает, что общеупотребимым это слово сделалось только после публикации в 1909 г. сборника «Вехи» с резкой критикой «интеллигенции». Гайда также говорит об оппозиционном характере интеллигенции, вследствие которого она во многом способствовала свержению прежнего строя и, в конечном итоге, развалу государства Российского, от чего пострадала и сама.

В советский период «интеллигенции» конституционно запрещалось быть оппозиционной. Для нее это означало перспективу гибели или «полного перерождения» (Гайда, 2011). Относительно благополучные 2000-ые годы вернули интеллигенции стремление к оппозиционности, и сейчас ее роль в будущем развитии страны неоднозначна (подробнее см.: Воловикова, Журавлев, 2017 и др.).

В примерах поступков «подлинных интеллигентов», приводимых Лихачевым (Лихачев, 1993), много идеального героизма и свидетельств проявления лучших человеческих качеств: бескорыстия, доброты, бесстрашия, чувства собственного достоинства и уважения к человеческой личности. Сам Дмитрий Сергеевич, прошедший в молодые годы испытание ГУЛАГом, в 90-е оставался для многих эталоном подлинного интеллигента: высококлассным профессионалом, готовым бесстрашно ринуться в защиту истины и справедливости. Но, в целом, интеллигенция как передовая часть общества именно в 1990-е сходила с политической сцены. Наступало время «элит»: политических, финансовых, управленческих и т.д. Зародившееся доминирование власти денег (а не статуса и «связей», как было в советское время) требовало от общества актуализации более мощного противовеса, чем зависимая и разом обнищавшая российская интеллигенция. Таким противовесом становилась «нравственная элита» – эмпирически наблюдаемый, теоретически оформленный и достаточно четко описанный феномен.

«Нравственная элита» – история разработки проблемы

В проблемно-постановочной статье, опубликованной в 2010 г., А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко развивают те положения о *нравственной элите*, которые впервые были представлены в тезисном изложении в их первой публикации, посвященной этой теме (Журавлев, Купрейченко, 2006; 2010а).

Авторы говорят об особой роли, присущей довольно малочисленной социальной категории людей, утверждающей *нравственные ценности и идеалы* не столько словами, сколько своей жизнью и поступками. «Они принадлежат к самым разным слоям, сферам деятельности и демографическим группам, их влияние на других людей осуществляется различными путями, способами и средствами» (Журавлев, Купрейченко, 2010а, с. 5). Именно эту категорию людей было предложено назвать *«нравственной элитой»*.

В отличие от *интеллигенции*, *нравственная элита* не ограничена ни уровнем образования, ни сферой деятельности. «К ним, *прежде всего*, относятся мудрецы и старцы, талантливые наставники и воспитатели, священнослужители и духовные учителя, ученые и писатели, художники и поэты, а также другие, *авторитетные* именно в *нравственном отношении* общественные фигуры... к *нравственной элите*, естественно, могут относиться самые обычные (по роду своих занятий) люди» (там же, с. 7).

В статье приводится поговорка, которая более всего раскрывает смысл анализируемого феномена: «Не стоит село без праведника». История этого утверждения восходит к ветхозаветному рассказу о судьбе Содома и Гоморры, где Авраам умоляет Бога пощадить этот город ради праведников, живущих там. Сначала говорится о том, что ради пятидесяти праведников можно пощадить остальных. Но Авраам догадывается, что в этом месте (упоминание которого до сих пор сохранилось в названии «содомских» грехов) вряд ли найдется пятьдесят праведников и говорит о сорока пяти, потом о тридцати и так далее, пока не доходит до десяти праведников, ради которых Бог согласился пощадить город. На этом разговор заканчивается. Но в Содоме и Гоморре не нашлось и десяти праведников. Город был разрушен, и сейчас о нем напоминает лишь впадина Мертвого моря. А «содомские увлечения» начинают казаться вполне «невинными» и тихо входят в наше информационное пространство. Одной западноевропейской образованности уже недостаточно, чтобы противостоять

этой реальной угрозе. Нужны именно праведники, готовые до конца стоять в утверждении и соблюдении *нравственного закона*, чтобы устояли и «село», и страна.

И дело здесь не только и не столько в «нетрадиционной ориентации» (как деликатно называют теперь содомские увлечения), а в том, что в 1990-е годы вместе со всем «советским» из информационного поля были отброшены (или запутаны) простые правила *нравственного поведения*: береги честь смолоду, уважай родителей, имей высокие цели, не кради, не лги, не изменяй супругу, не завидуй, не убивай. А сейчас на некоторых каналах центрального телевидения показывают такое, что привело к появлению в небольшой районной газете остроумного замечания: «В советское время была только одна программа о животных, – она так и называлась – «В мире животных». Теперь ее нет, зато есть «Дом-2», ... «Прямой эфир с Андреем Малаховым», «Пусть говорят» ... Старая программа мне нравилась больше». Как можно запутать простые правила, например, что видно из того туманного информационного облака, которое окутало заповедь «не убий». Ее вначале расширили до запрета на убийство животных (когда-то это с присущим ему писательским даром сделал Л.Н. Толстой), затем исключили из нее не рожденных человеческих детенышей, и при этом экран наполнили таким количеством разнообразных по исполнению убийств человека человеком, что это стало обыденным, привычным и как бы оправданным «обстоятельствами».

90-е годы ушедшего столетия – сложный и недостаточно изученный период современной российской истории, в котором дух подлинной свободы высших творческих сил человека иногда неразличимо переплетался с отрицанием всяческих запретов, прежде всего, *нравственных*. Теперь все посеянные в те годы «семена» дают свои «всходы», а СМИ тиражируют несопоставимое – и подвиги, и примеры морального разложения, выдаваемые за «образец» поведения. Существование *нравственной элиты* препятствует

снижению уровня человека. Ее основная функция – в хранении *нравственного закона* в современных условиях «информационного шума», а по-простому – обмана, когда белое выдается за черное и наоборот.

В широкое повседневное употребление слово «элита» (или «элиты») попало после снятия негласного запрета в постперестроечный период темы денег. Так сложилось в нашей новейшей истории, что принадлежность к элите первоначально связывалось с политическим статусом и финансовым благополучием и только позднее оно стало распространяться на другие группы успешных и оказывающих влияние людей. «Под *элитой* понимается социальная категория людей, *характеризующаяся* наиболее высоким уровнем развития тех или иных качеств, свойств, способностей и *успешно проявляющая* их совокупность в конкретных сферах жизнедеятельности общества. В таком смысле вполне уместно говорить о разных *видах* элиты, что и встречается в современных публикациях: политической и управленческой, экономической и бизнес-элите, интеллектуальной и научной, творческой и художественной, культурной и духовной, и др.» (Журавлев, Купрейченко. 2010а, с. 8).

Хотя названы творческая, научная и другие виды элит, специально оговаривается возможность отнесения к элите лиц, не обремененных финансовым благополучием. Говорится о целесообразности «рассматривать и *нравственную элиту*, относя к ней тех людей, которые *достигли* высокого уровня развития *нравственных качеств* и успешно проявляют их в сфере человеческих отношений, в жизни реальных социальных групп, в человеческих сообществах, существенно *влияя* на их *нравственную атмосферу*, как минимум, повышая ее общий уровень» (там же).

Поскольку сама потребность в *нравственных ориентирах* в российском обществе не исчезла, место подлинной интеллигенции не могло слишком долго оставаться вакантным. Отсюда закономерно появление идеи *нравственной элиты*, не только не привязанной к материальному благополучию и высокому

статусу, но зачастую очень далекой от этих внешних атрибутов жизненного успеха. В основе феномена, названного «эффектом воспроизводства субъектом ценностной системы другой исторической эпохи» (Журавлев, Купрейченко, 2010а, с. 6), лежат наблюдения над той немногочисленной социальной группой, которая смогла сохранить личностную свободу и относительную независимость от происходящих вокруг изменений системы ценностей и приоритетов. Отмечается здоровое отношение к себе и другим, жизненный оптимизм таких людей, не связанный с уровнем материального благосостояния, даже их некоторая неадаптивность, будто эти люди продолжают жить в другом историческом времени и ориентироваться на иные ценности и идеалы.

В трудные моменты своей истории общество само находит эти «нравственные маяки», помогающие устоять в условиях резких изменений ценностных приоритетов. Такими людьми, к мнению которых прислушивались, на точку зрения которых опирались, были академики Д.С. Лихачев, А.Д. Сахаров, писатель В.Г. Распутин и др.

Важно отметить, что всегда находилось (и находится) то лицо, ценностным ориентациям которого доверяло большинство российских граждан. В 1990-е годы таким *нравственным авторитетом* для многих стал Патриарх Алексей II, причем отношение к его личности не зависело напрямую от религиозных воззрений людей. Убеждали правдивость суждений и самоотверженные поступки. Так, во время общественного противостояния осенью 1993 года, грозившего гражданской войной, Алексей II взял на себя организацию и проведение переговоров враждующих сторон, завершившихся примирением (чего это стоило Патриарху, стало понятно после его госпитализации с инфарктом). Не всегда находится такой общий для многих *нравственный авторитет*, но потребность в нем в нашем народе очень велика (об этом см. также: Кольцова, Журавлев, 2017 и др.).

Журавлевым и Купрейченко были выделены *основные признаки*

нравственной элиты:

- участие в общественно-полезной деятельности, приносящей пользу социуму;
- строгое следование в своем поведении *нравственным принципам*, нормам и правилам жизнедеятельности человека;
- способность оказывать *нравственное влияние* на других людей (в том числе, через поступок);
- способность жертвовать своими интересами ради других, оказание безвозмездной помощи, проявление разных форм помогающего поведения.

Подчеркиваются такие качества, как способность к активной защите моральных устоев общества и благотворное влияние на моральный климат близкого окружения. Отмечается *позитивная роль страдания* в истории становления высоконравственных людей. Добавление этого необычного признака естественно в российских условиях, где нравственность всегда была ценностью, которую порядочному человеку приходилось демонстрировать не только словом, но и делом, поступком (Воловикова, 2012).

В 2016 г. была проведена успешная эмпирическая проверка некоторых идей о характерных признаках *нравственной элиты*, высказанных Журавлевым и Купрейченко (Воловикова, Журавлев, 2016). Исследовались имплицитные представления о *нравственном («порядочном») человеке* у респондентов, достигших высокого профессионального и общественного статуса (директоров компаний, руководителей научных и творческих коллективов, заведующих лечебными учреждениями, видных ученых, художников, музыкантов, психотерапевтов). Использовалась авторская анкета (Воловикова, 2005; 2012), состоящая из одномерной шкалы с перечислением качеств *нравственного («порядочного») человека*, и задание рассказать о поступке, показывающем порядочность описываемого лица. Применялись факторный анализ и качественный анализ описаний «поступка».

Сразу отметим, что в целом результаты факторного анализа не противоречили описаниям поступков, однако последние выглядели ярче и позволяли точнее выразить те представления о *нравственном человеке*, которые характеризуют данную «элитную» группу респондентов. Более всего (25%) оказалось рассказов о «помощи», которую описываемое лицо оказывает многим людям. Респондентам запомнились проявления щедрости и вообще непривязанности к деньгам, статусу, почестям, проявления честности в отношениях, верности данному слову. Перечисление (хотя и краткое и по возможности систематизированное) «поступков» конкретного и «лично знакомого» *нравственного («порядочного») человека* составляет образ несовременного лица, ценности которого традиционны для российского менталитета. Он (или она): «не хвалится», «отказался от выгодного приглашения...», «отказался от материальной выгоды...», «никогда не раскручивает на деньги...», «выплатила зарплату из своих денег...», «не требовала вернуть долг...», «нашла хозяина и вернула найденный на улице бумажник с деньгами...», «вернулась из дома в магазин, чтобы оплатить забытую покупку», «никогда не использовал служебное положение в ущерб другим», «выбрал себе самый плохой дачный участок, хотя был председателем кооператива», «безвозмездно оплатила лечение...», «заботится о слабых...», «бережет природу...», «кормит бродящих собак», «ни словом не обмолвилась о своей помощи...», «терпим к недостаткам близких...», «не мстит», «не сделает подлость человеку, которому не доверяет...», «не ведет тайных интриг за спиной...», «не ворует чужие идеи...», «обязательно включает в проекты своих коллег...», «бескорыстно делится информацией...», «не выдает чужие тайны...», «умеет прощать».

Особое значение в наше время размывания границ между *нравственным* и *безнравственным поведением* приобретает описание поступков «*нравственного образца*», свидетельствующих о строгом следовании

нравственным принципам, нормам и правилам, о чем говорит каждый из сюжетов на тему «никогда не...». Например, «она никогда не ставит себя выше, важнее других»; «не ведет никаких тайных интриг за спиной»; «честно выполняет свои обязательства в бизнесе, хотя обстоятельства складываются так, что она вполне могла нарушить их в силу объективных, не зависящих от нее причин»; «имея большие властные полномочия, никогда не использовал их в личных целях, в том числе, в целях наживы».

Эти примеры, собранные в элитной выборке респондентов, полностью соответствуют теоретически выделенным признакам *нравственной элиты* (Журавлев, Купрейченко, 2010а). Статус описываемых лиц говорит об их активном участии в общественно-полезной деятельности. Даже в теме «помощь» есть своя специфика. Если в студенческих выборках обычно речь идет о помощи респонденту (см.: Воловикова, 2012), то здесь преимущественно говорится о помощи другим людям. «Строгое следование в своем поведении нравственным принципам, нормам и правилам жизнедеятельности человека» раскрывается в сюжетах «никогда не...». «Способность оказывать нравственное влияние на других людей (в том числе, через поступок)» иллюстрируется яркими описаниями «очень несовременных» поступков: мог украсть, но не украл; мог уехать из страны, но отказался от приглашения из-за любви к Родине; мог захватить все деньги, но включил в проект других сотрудников и т.д. Главное в таких поступках – проявление подлинной свободы от внешних обстоятельств, о которой говорил Лихачев в связи с темой «русской интеллигенции».

Вообще между феноменами *подлинная интеллигенция* и *нравственная элита* нет противоречия, но есть различия. *Нравственная элита* шире по представленным в ней слоям населения – от «мудреца» до «простеца», строже по критериям отбора и «смирнее», она выше политики. Если *русская интеллигенция*, едва оформившись как признанный общественный слой в

начале XX в., послужила разрушению Российского государства, то и в «перестройке» второй половины 1980-х ее интеллектуальный вклад в разрушение страны был значительным. Правда, материальные выгоды и «плоды» революционных изменений каждый раз пожинали другие. Интеллигенции доставались преследования и испытания. Независимость и подлинная свобода *нравственной элиты* имеет источник в *высших, духовных ценностях*. Поэтому к этим людям обращаются за советом в решении моральных проблем и нравственных задач, возникающих в жизни. Такой критерий упомянут в работах Журавлева и Купрейченко, но в данной эмпирической выборке подобные случаи не отмечались. Можно предположить, что способность дать такой совет является редким даром, характеризующим немногих представителей *нравственной элиты*.

В описаниях много примеров, подтверждающих еще один критерий, выделенный в работах Журавлева и Купрейченко, – это «способность жертвовать своими интересами ради других, оказание безвозмездной помощи, проявление разных форм помогающего поведения» (Журавлев, Купрейченко, 2010а, с. 9).

Потребность знать, что есть люди, которые никогда не поступятся *нравственным законом* в угоду сиюминутным интересам, помогает сохранить в народе верные *нравственные ориентиры*. Эта потребность является *экзистенциальной*, и именно она обуславливает актуальность исследований *нравственной элиты* как специфического феномена, характеризующего отличительные черты *российского менталитета*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В *российском менталитете* исторически особая роль в *нравственной регуляции общественной жизни* на протяжении XX в. отводилась такой большой и неоднородной социальной группе, как *интеллигенция*. Однако в

современных условиях ведущая роль в нравственной регуляции переходит к *нравственной элите*.

«*Нравственная элита*» – теоретически выявленный феномен, достаточно четко описанный в публикациях Журавлева и Купрейченко (2006 и 2010 гг.) и получивший успешную эмпирическую проверку в 2016-18 гг.

Процессы размывания критериев *нравственного поведения*, негативное влияние сюжетов, демонстрируемых СМИ, не всегда позитивное воздействие западных «образцов» представляет серьезную опасность для российского сознания. *Нравственная элита* – лучшие представители разных слоев нашего общества, способные внести большой вклад в подтверждении ценности соблюдения *нравственного закона*.

Понятие «*нравственная элита*» (Журавлев, Купрейченко, 2006; 2010а; 2010б; 2010в) перспективно для современной социальной психологии, так как именно этим *нравственным образцам* начинает принадлежать ведущая роль в *духовно-нравственной регуляции жизни российского общества*, прежде отводимая интеллигенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воловикова М.И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

Воловикова М.И. Житейские представления о порядочном человеке. М.: Канон+, 2012.

Воловикова М.И. Нравственная психология: современное состояние и перспективы исследований [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. Т. 3. № 2(10). С. 6-29. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document609.pdf> (дата обращения 17.07.2018).

Воловикова М.И., Журавлев А.Л. Роль нравственной элиты в воспитании молодежи // Ресурсы развития социально-профессиональной траектории учащейся молодежи: вызовы XXI века. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Курск, 2015. С. 25-29.

Воловикова М.И., Журавлев А.Л. ИмPLICITные представления о признаках нравственной элиты // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 40-49.

Воловикова М.И., Журавлев А.Л. Нравственные ориентиры современной российской интеллигенции // Эффективность личности, группы и организации: проблемы, достижения и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов н/Д – Курск, 2017. С. 236-238.

Воловикова М.И., Журавлев А.Л. Характеристики нравственной элиты и современные представления о порядочном человеке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. № 1. С. 44-48.

Гайда Ф. «Интеллигенция»: чем гордиться? [Электронный ресурс] // Православие.ру Интернет-журнал, 23 июня 2011 URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/47186.htm> (дата обращения 24.07.2011).

Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Роль ценностей нравственной элиты в переходные периоды жизни общества // Православие и нравственность. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та технологии и дизайна, 2006. С. 111-112.

Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Роль нравственной элиты в российском обществе: постановка проблемы и возможности исследования // Психологический журнал. 2010 (а). Т. 31. № 2. С. 5-19.

Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Нравственная элита в российском обществе:

основные признаки и функции // Наука. Культура. Общество. 2010 (б). № 2. С. 42-49.

Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Нравственная элита в российском обществе: концептуальные основы психологического исследования // Вестник практической психологии образования. 2010 (в). № 2. С. 28-34.

Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Проблемы формирования и выявления нравственной элиты: итоги дискуссии // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 5. С. 97-99.

Историогенез и современное состояние российского менталитета. Выпуск 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Е.Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Кольцова В.А., Журавлев А.Л. Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 5-17.

Лихачев Д.С. Заметки о русском. М.: Советская Россия, 1984.

Лихачев Д.С. О русской интеллигенции // Новый мир. 1993. № 2. С. 3-9.

Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 352 с.

Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Российский менталитет: Психология личности, сознание, социальные представления / Отв. ред. К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.

Российский менталитет: Вопросы психологической теории и практики / Отв. ред. К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.

Семенов В.Е. Полиментальная специфика России и российская политика //

Вестник политической психологии. 2001. № 1. С. 20-23.

Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное / Под науч. ред. О.А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017.

Volovikova M., Zhuravlyov A. Implicit Notions of the Moral Elites Features // Social Sciences. 2016. T. 47. № 4. С. 74-88.

MODERN IMPORTANCE OF THE STUDY OF THE PHENOMENON OF «MORAL ELITE»**

M.I. Volovikova*

* Sc.D. (psychology), professor, chief scientist, laboratory of psychology of personality, FSFES Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; 13-1 Yaroslavskaya str., Moscow, 129366; e-mail: margarita-volovikova@ya.ru

Summary. The results of the theoretical analysis of the phenomenon of "moral elite" presented. The significance of its study in the present time substantiated. Data on the scientific publications in which the term used for the first time given. Shown that the criteria of belonging to the moral elite were theoretically derived and formulated in A.L. Zhuravlev and A.B. Kupreychenkos' papers of 2006 and 2010 years. The comparative analysis of the concepts of "moral elite" and "genuine Russian intelligentsia" (D.S. Likhachev) given. The conclusion about their similarities and differences associated with the belonging of the moral elite to different layers of Russian society, with the changed historical role of the intelligentsia in modern Russia and with the "blurring" of the criteria of moral behavior under the influence of some media made. The features of the "Russian intelligentsia" mentioned by academician Likhachev highlighted. These are professionalism, education (mainly "Western European") and the ability to resist external pressure, including the pressure of the authorities. The change in the role of the intelligentsia in different periods of Russian history shown. The reasons for the fact that in the 1990s the intelligentsia began to descend

---

** This study was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research № 18-013-00259.

from the political scene as an advanced part of society mentioned. Argued that, unlike the intelligentsia, the moral elite not limited by any level of education or sphere of activity. New data on the results of empirical testing of theoretically selected criteria of belonging to the moral elite presented. The qualitative analysis of the results of the empirical study of implicit representations about the moral ("decent") person on the elite sample of respondents supplemented. The conclusion about the scientific and practical significance of the study of the moral elite in modern Russia made.

Keywords: moral elite, Russian intelligentsia, D.S. Likhachev, Russian mentality, implicit representations, the moral commandments, personality, society, person, qualitative analysis.